

тельство купеческих жен и вдов Москвы в XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI–XVIII веков: Сб. материалов междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 17–20 сент. 2001 г.). СПб., 2001. С. 139–144; 3) Семья и отношения родства московского купечества XVIII века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 4. С. 14–26.

⁷ Ульянова Г. Н. Предпринимательская деятельность московского купечества по данным ревизских сказок и «Очередной книги» (1795–1801 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2016. № 22 (243). С. 108–116. (История. Политология; Вып. 40).

⁸ Состояние мануфактурной промышленности и преобладание шелковых предприятий подробно рассмотрено в монографии: Ковальчук А. В. Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века. Текстильное производство. М., 1999.

⁹ РГАДА. Ф. 294. Оп. 3. Д. 692. Л. 197.

¹⁰ Позументные предприятия одни исследователи относят к текстильной отрасли, другие — к обработке металлов. На наш взгляд, мишурные и канительные фабрики следует относить к производству металлов, а производство позумента все-таки — к текстильной отрасли.

¹¹ МДИМК. Т. 4. С. 4, 202.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Там же. С. 34.

¹⁴ Там же. С. 145, 170, 790.

¹⁵ Там же. С. 325, 334, 589, 595.

¹⁶ Там же. С. 493, 496.

¹⁷ См.: Ульянова Г. Н. Миграция в Москву в конце XVIII — начале XIX века по купеческим сказкам VI ревизии 1811 года // Миграции. Формирование Российского государства: Материалы Междунар. семинаров ист. исследований «От Рима к Третьему Риму», 2010–2015 гг. М., 2015. С. 84–105.

¹⁸ МДИМК. Т. 4. С. 618, 622–623.

¹⁹ Там же. С. 135.

²⁰ Там же. С. 228, 239–240.

²¹ Там же. С. 205, 234–236.

²² См., например, подписку Федора Гучкова, данную в дом Московского градского общества «вместо присяги по силе Городового положения 6 статьи»: ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 97. Л. 3.

²³ МДИМК. Т. 4. С. 555–561.

²⁴ Там же. С. 365, 229, 399.

А. В. Морохин

СТАРООБРЯДЦЫ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ВЯЗНИКОВСКОЙ СЛОБОДЫ XVIII в.

В истории развития торгового сословия Вязниковской слободы в XVIII в. большую роль играли местные предприниматели-старообрядцы. Данный факт уже обращал на себя внимание исследователей¹, однако целый ряд новых данных, извлеченных нами из нескольких российских архивохранилищ, позволяет не только значительно дополнить сведения о предпринимательской деятельно-

сти вязниковских староверов, но и выделить наиболее известные семьи местных «раскольников», занимавшихся торговлей.

Со второй половины XVII — начала XVIII в. Вязниковская слобода (ныне город Вязники Владимирской области) являлась одним из известнейших центров старообрядчества. Еще в 1640–1650-х гг. здесь проповедовал свое учение о «радикальном аскетизме» старец Капитон, основавший за Клязьмой первые скиты. Несмотря на репрессии властей, Капитон приобрел в Вязниках немало своих последователей, продолжавших распространять его учение и после смерти своего наставника. По свидетельству Семена Денисова, в Вязниках «мнози ученицы бяху, чудного жития его (Капитона. — *А. М.*) подражатели»². Приведем некоторые цифры. По переписи 1723 г. в Вязниковской слободе числилось всего 850 старообрядцев, из которых 309 являлись «записными раскольниками» мужского пола³. К началу 1730-х гг. из этого числа обратилось, умерло и бежало 169 чел. и в наличии оставалось 140 чел., из которых торговлей занимались только 19 чел.⁴ В 1748 г. всего купцов в Вязниках числилось 1127 чел.⁵ Со второй половины XVIII в. численность староверов в Вязниках сокращается. В 1763 г. в слободе «записных раскольников» числилось 64 чел., а к 1781 г. оставалось 30 мужчин-старообрядцев⁶. Еще через год в Вязниках лишь 8 купцов являлись записными старообрядцами⁷. Таким образом, пик предпринимательской активности купцов-старообрядцев Вязниковской слободы приходится на первую половину XVIII столетия.

«Историческое описание российской коммерции» М. Л. Чулкова зафиксировало тот факт, что в Вязниках «купцы, между которыми и записные раскольники находятся, торгуют в Санкт-Петербурге льном, пенькою и юфтяным товаром, деланным с дегтем, а прочие отправляют торги, отъезжая по городам и уездам с разными своими мелочными товарами, здешний лен бывает из лучших»⁸. Местные староверы не допускались к общественным службам в других городах в отличие от тех предпринимателей, кто состоял в официальном православии. Соответственно, они не испытывали и тягот этой службы в ущерб своим торгово-промышленным делам. Поэтому вязниковские староверы и развивали свое дело, выходя в зажиточные и первостатейные купцы, что вызывало недовольство у других предпринимателей. В 1767 г. вязниковцы подготовили «Наказ» своему представителю в Уложенной комиссии П. И. Москвину, в котором просили упорядочить несение своих общественных гражданских служб вместе с купцами-старообрядцами и «повелеть оным записным раскольникам очередные службы равно с правоверными отправлять наймом»⁹.

Особо активными торговые контакты вязниковских «раскольников» в первой половине XVIII столетия были с Поморьем. В этой связи важно отметить, что выходцем из Вязниковской слободы был один из авторитетнейших старообрядческих книжников и начетников знаменитого Выго-Лексинского общезнательства — Михаил Вышатин, который не только сохранял связи с малой родиной, но и содействовал распространению в слободе старообрядчества и укреплению связей местных «раскольников» с Поморьем¹⁰. Помимо Вышатина немало других вязниковских староверов проживало на Выге¹¹. Так, вязниковец Алексей Гаврилов, который «имеяше художество иконы писати

и вельми хитр бе в том художестве», руководил организованной на Выге школой иконописцев. Вместе с Гавриловым проживал и его дядя Василий Ларионов¹². Вязниковские старообрядцы не только проживали в Поморье, но и материально поддерживали выговцев. Известно, например, что «ради милостыни и всяких потребных получения» в Вязники регулярно приезжал с Выга старообрядец Иван Андреев Белозер, привозивший в Поморье «немалое число денег и прочаго». Другой выговец, Борис Федосеев, также ежегодно ездил «по городам в Ярославль и Нижний, а больше в Вязники». Скрывали вязниковцы у себя и одного из «раскольничих» наставников — Кирилла Максимова, проповедовавшего здесь свое учение¹³.

Судя по сохранившимся документам, через вязниковских старообрядцев проводились торговые операции по приобретению необходимых товаров для Выговской пустыни и отдельных северных скитов. Торговые операции вязниковцев показывал в своих допросных речах в Тайной канцелярии в конце 1730-х гг. И. Круглый: «...Санктпетербургский житель Алексей Семенов отпустил его, Круглаго, в город Вязники с сукнами анбурскими, коих было ценою на тысячу рублей; а извошки были из-под Вязников; и про оные-де сукна оный Алексей и брат его Федор сказывали ему, Круглому, что выменены на лен, и как-де он те сукна в Вязники привез, и по приказу онаго Алексея Семенова положил в анбар, у вязниковца посадского человека, у раскольника Ивана Григорьева да у сына его Ивана Иванова <...> и оные-де сукна завесновали, и приехал-де к нему с Вытегорской пристани помянутаго Алексея Семенова брат Федор Семенов, и те сукна у него, Круглова, принял, и остался в доме у раскольника Ивана Григорьева с сыном Иваном, для отъезда в Казань с помянутыми сукнами, а с собою привез денег <...> для отправления струга и ради покупки хлеба, который хлеб купил раскольник, сказывается Москвитин, Василий Иванов, а из какого чина не знает <...> а к нему, Василью, взяв от означенного Федора Семенова деньги отвозил он, Круглый, с провожатым вязниковцем, которого нанял означенный вязниковец Иван Иванов»¹⁴. Как следует из документа, в Вязниках у старообрядцев, посадских людей, хранились товары, привезенные из разных мест. Таким складом был дом вязниковца Ивана Григорьева и его сына Ивана, который помогал выговцам отвозить зерно и товары на струге. Кроме Ивана Григорьева и его сына, в своих «допросных речах» И. Круглый называл и представителей других старообрядческих семей Вязниковской слободы — Семена Федорова Молодикова, Ивана Иванова Москвитина, Ивана Федорова Сапцова, многочисленных Ивановых¹⁵.

Не менее активными в XVIII столетии оставалась и связи вязниковских старообрядцев с другим известным центром «раскола» — Керженцем¹⁶. Укреплялись эти связи также во многом благодаря контактам, возникавшим между купцами-староверами Вязниковской слободы и жителями заволжских скитов на знаменитой Макарьевской ярмарке. Так, вязниковский купец-старообрядец Семен Слугин признавался на допросе в 1725 г., что находился «под сомнением от раскольщиков о трехперстном сложении креста». Это «сомнение» как раз и было связано с пропагандой жителей Керженца: «В прошлых годах бывал он, Слугин, на Макарьевской ярмонке для торгового промыслу, и на той

же ярмонке бывали ж для торгу ж керженские жители расколщики многие <...> и при торгах в разговорах говаривали те расколщики о сложении креста больших трех перстов, называют [его] Антихристовым и будто в вере от того креста помешателство, и что бороды бреют»¹⁷. Примечательно, что сын Семёна Слугина Иван также был известен в местной среде как один из пропагандистов Апокалипсиса¹⁸. Как и отец, он сохранял связи с Макарьевской ярмаркой. Источники зафиксировали, что Слугин-младший в 1741 г. «имелся на оной ярмонке... в лавочной таможене бурмистром»¹⁹.

Важную роль как в экономическом развитии Вязниковской слободы, так и в сохранении среди местных жителей «старой веры», играла позиция властей. В этой связи любопытно отметить, что бургомистрами вязниковской ратуши в 1729–1740-е гг. являлись представители семей местных старообрядцев-предпринимателей: С. Кондаков, В. Рукавишников, А. Горшков, Д. Яговитинов, И. Наместовский. Все они, будучи связанными как родственными отношениями, так и совместной предпринимательской деятельностью, покровительствовали и другим старообрядческим семьям Вязниковской слободы, защищая их от притеснений официальной церкви. Так, в июне 1740 г. священник Николаевской церкви Михаил Тимофеев, которому было велено староверов «елико возможно от того их расколнического заблуждения ко святей церкви увещанием и учением обращать», жаловался, что не может заниматься своей миссией, так как бывший управитель Ярополческой волости А. Матвеев «ему, попу, для того расколщиков увещания и учения до них, расколщиков, велел расколническия жилища не допускать и к нему, попу, для разговоров о вере христианской и о законе и о таинствах церковных ходить воспрещает»²⁰. Нередко для устранения конфликтных ситуаций вязниковские староверы использовали и подкуп должностных лиц. Так, в Нижнем Новгороде по «расколническим и другим делам» их защищал канцелярист Шапов²¹.

Среди многочисленных старообрядческих семей Вязников необходимо выделить род одних из первых местных мануфактуристов — Рукавишниковых. Один из первых известных Рукавишниковых — Иван Тимофеевич, происходил из местных посадских людей и, как следует из данных переписи 1723 г., проживал вместе с женой Марьей Петровной, младшим сыном Михаилом, его женой Евдокией и дочерьми Евдокией и Татьяной. Примечательно, что в доме Ивана Тимофеевича жили также «девка Маланья да крепостные Татьяна, Агафья, работник Андрей Васильев», что, безусловно, свидетельствует о состоятельности семьи²². Из материалов ревизии следует, что Иван Тимофеевич родился в 1662 г.²³, а в 1699 г. он записывается в Москве в Суконную сотню²⁴, построив в Казенной слободе подворье. В материалах переписи 1723 г. среди записных «расколнников» указаны и сыновья Ивана Тимофеевича — Иван младший, проживавший с женой Дарьей Остафьевой и дворовыми людьми Митрофаном, Евдокией Лазаревой и Матреной; Василий Рукавишников, указанный вместе «з женой Натальею з дочерью Анной», и Федор, живший с женой Дарьей и крепостным человеком Григорием Васильевым²⁵. В материалах переписи купцов 1748 г. значится и другой сын Ивана Тимофеевича — Михаил, родившийся в 1700 г.²⁶

Иван Иванович Рукавишников, который, видимо, был старшим сыном Ивана Тимофеевича, как известно из сохранившихся материалов, в 1719 г. вошел в суконную компанию, образовавшуюся под руководством В. Щеголина. Позднее Иван Рукавишников-младший был одним из организаторов в Вязниковской слободе полотняных мануфактур²⁷.

Среди других сыновей Ивана Тимофеевича заслуживает особого внимания Василий, игравший одну из ведущих ролей в жизни Вязниковской слободы в 20–30-е гг. XVIII в. Зафиксированная в переписи 1723 г. супруга Василия Ивановича Наталья, надо полагать, была его первой женой. К началу 1730-х гг. ее уже не было в живых, так как сохранившиеся документы называют женой Василия Ивановича Авдотью Федорову. Указывают источники и на то, что семья Василия Ивановича проживала «особым своим двором»²⁸. В отличие от отца, отказывавшегося переходить в официальное православие, Василий Иванович уже с 1724 г. значился по документам перешедшим в официальное православие. Можно предположить, что переход Василия Ивановича был связан с коммерческими интересами семьи и возможностью меньшей уплаты налогов. Кроме того, переход в официальное православие во многом способствовал тому, что В. И. Рукавишников стал бургомистром вязниковской ратуши и занимал эту должность до середины 1730-х гг. Кроме того, перейдя в официальное православие, Василий Иванович, видимо, оставался тайным старообрядцем. По крайней мере, известно, что, занимая должность бургомистра, он активно помогал собратьям по вере. Так, в 1732 г. он отказался выдать Нижегородской духовной консистории²⁹ обвинявшихся в «потаенном расколе» Екатерину Витушкину с дочерьми Ульяной и Федорой³⁰, мотивируя свои действия болезнью обвиняемых. Посланный в Вязники из Нижнего Новгорода рассылщик Василий Ярослав сообщал в нижегородскую консисторию, что от бургомистра вязниковской ратуши Витушкиным «учинена немалая поноровка и в потаенном расколе от следствия защищены». Видимо, по совету бургомистра Витушкины, дабы избежать дальнейших неприятностей, приняли решение о переходе в официальное православие³¹. Покровительство старообрядцам Вязников во многом могло способствовать возникновению в октябре 1735 г. конфликта, в который оказался втянут Рукавишников. Вязниковец Семен Москвин сообщил во Владимир, что видел бургомистра «с бородой и в неуказанном платье», пытался отвести его в ратушу, но помощники Рукавишникова «не дали привод в ратушу». Проведенная властями проверка выявила у бургомистра, как лица, перешедшего в православие, разрешение носить бороду и соответствующее платье³².

Должность бургомистра ратуши Рукавишников занимал до 1736 г., в этом году бургомистром значится уже А. Горшков, которого вскоре сменил Д. Яговитинов³³. В 1738 г. Рукавишников становится одним из хозяев вязниковской полотняной фабрики, которая после его смерти перешла к вдове — Авдотье Федоровой, вышедшей во второй раз замуж за С. Кондакова и записавшей за ним в 1749 г. свою фабрику³⁴.

Преемники Рукавишникова на посту главы местного самоуправления также были вынуждены переходить в официальное православие. Надо пола-

гать, делалось это с согласия местных старообрядческих общин. Так, был вынужден перейти в официальное православие бургомистр Андрей Федорович Горшков, также являвшийся выходцем из купеческой семьи³⁵. Родной брат другого бургомистра, Д. Г. Яговитинова, купец Михаил Гаврилов сын Яговитинов в упомянутой переписи 1723 г. также значится среди вязниковских «записных раскольников»³⁶. Из этого следует, что некогда отношение к «старой вере» имел и его брат-бургомистр, о состоятельности которого говорит, в частности, тот факт, что он в 1739 г. давал в долг 73 руб. 50 коп. другим вязниковцам — Козьме Коряковцову и Марку Иванову Хилкову³⁷. Источники также зафиксировали покупку в 1737 г. Д. Г. Яговитиновым у дьякона Благовещенского собора Самуила Матвеева «двора и с харомным строением и с угородом»³⁸.

Безусловно, рост финансового благополучия также заставлял бургомистров Вязниковской слободы — выходцев из старообрядческой среды, не обострять отношения с властями и идти на компромисс с ними. В этом плане показательны слова бургомистра Ивана Наместовского, признававшегося в порыве откровения, что «де он о нынешнем последнем времени горазд был толковать, токмо де ныне ему, Наместовскому, богатство и проклады тот прежний ум замыали»³⁹.

Примеру бургомистров нередко следовали и другие вязниковские старообрядцы-предприниматели. Так, представители известной старообрядческой семьи Молодиковых, купцы Федор Григорьевич и Иван Григорьевич, в середине 1730-х гг. также были вынуждены обратиться в официальное православие⁴⁰.

Таким образом, следует констатировать, что политика правительства в отношении «раскола» и предпринимательские интересы староверов оказали существенное влияние на религиозную ситуацию в Вязниковской слободе и способствовали сокращению численности местных «раскольников».

Примечания

¹ Тельчаров А. Д. Вязники. Владимир, 1999. С. 27–34; Лебедев А. В. История Вязниковского края с древнейших времен до конца XX века: Учеб. пособие. Вязники, 2003. С. 48.

² Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (князь Мышецким). М., 1906. Л. 46; Отразительное писание о новоизбранном пути самоубийственных смертей (1691 г.) // Памятники древней письменности. Т. 107. СПб., 1895. С. 10. Подробнее об учении и деятельности Капитона см.: Шульгин В. С. «Капитоновщина» и ее место в расколе XVII в. // История СССР. 1968. № 4. С. 130–139; Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: Духовные движения 17-го в. М., 1995. С. 144–156; Народное антицерковное движение в России XVII века: Документы Приказа Тайных дел о раскольниках, 1665–1667 гг. / Сост. В. С. Румянцева. М., 1986. С. 66–81.

³ РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. № 117-а. Л. 382–396; № 142. Л. 30.

⁴ Там же. № 142. Л. 35 об. См. также: Акельев Е. В. Старообрядцы в финансовых структурах Российской империи (1722–1785) // О вере и суевериях: Сб. ст. в честь Е. Б. Смелянской. М., 2014. С. 172.

⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 612. Л. 204.

- ⁶ ГАВЛО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 104. Л. 150 об., 159.
- ⁷ Там же. Л. 171.
- ⁸ *Чулков М. Л.* Историческое описание российской коммерции... Т. 6, кн. 1. М., 1786. С. 195.
- ⁹ Сб. РИО. Т. 93. СПб., 1894. С. 419–420.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Морохин А. В.* Вязниковские старообрядцы на Выге, или Новые материалы к биографии Михаила Вышатины // Международные Заволокинские чтения. Сб. 1. Рига, 2006. С. 127–132.
- ¹¹ См.: *Есинов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскной дел канцелярии. Т. 1. СПб., 1861. С. 420, 475, 478, 479, 480.
- ¹² *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 141; *Яковлев Г.* Извещение праведное о расколе беспоповщины // Братское слово. 1888. Т. 1. С. 476.
- ¹³ *Яковлев Г.* Извещение праведное о расколе беспоповщины. С. 469, 483.
- ¹⁴ *Есинов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. С. 446.
- ¹⁵ Там же. С. 416, 420, 477–481.
- ¹⁶ *Морохин А. В.* К истории связей вязниковского старообрядчества с Керженцем в XVIII в.: (Новые источники) // Старообрядчество в России (XVII–XX века): Сб. науч. тр. Вып. 4. М., 2010. С. 57–63.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 2295. Л. 20 об.–21.
- ¹⁸ Там же. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1107. Ч. 1. Л. 7.
- ¹⁹ Там же. Ф. 719. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.
- ²⁰ Там же. № 3. Л. 9 об.
- ²¹ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. Д. 70. 1736 г. Л. 2 об.
- ²² РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. № 117-а. Л. 388.
- ²³ В материалах ревизии 1748 г. указано, что И. Т. Рукавишникову в том году было 86 лет. См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 612. Л. 166 об.
- ²⁴ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 394.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. № 117-а. Л. 388–388 об.
- ²⁶ Там же. Ф. 350. Оп. 2. № 612. Л. 166 об.
- ²⁷ *Тельчаров А. Д.* Вязники. Владимир, 1994. С. 25, 34.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. № 874. Л. 13.
- ²⁹ С 1722 по 1742 г. с небольшим перерывом в 1726–1730 гг. Вязниковская слобода по «духовным и раскольническим делам» находилась в подчинении у нижегородского архиерея. См.: *Морохин А. В.* Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим: Церковный деятель эпохи перемен. Н. Новгород, 2009. С. 99–107.
- ³⁰ Витушкины являлись потомственной старообрядческой семьей, члены которой зафиксированы в ревизиях как «раскольники» в 1748 г. См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. № 612. Л. 117–117 об.; № 619. Л. 87.
- ³¹ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. Д. 15. Л. 1–2.
- ³² *Касаткин В.* О бородачах и раскольниках // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Владимир, 1899. С. 34.
- ³³ РГАДА. Ф. 341. Оп. 1. Д. 636. Л. 1 об.; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. Д. 250. 1737 г. Л. 4.
- ³⁴ Подробнее о семье Рукавишниковых см.: *Морохин А. В.* Вязниковские старообрядцы–предприниматели Рукавишниковы: (По материалам переписи 1723 г.) // Старообрядчество: История, культура, современность: Материалы VIII Междунар. науч. конф., 13–15 нояб. 2007 г., Москва. Т. 1. М., 2007. С. 287–290.

³⁵ РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. № 117-а. Л. 391 об.; № 570. Л. 1 об.; Ф. 349. Оп. 1. № 636. Л. 1 об.

³⁶ Там же. Ф. 288. Оп. 1. № 117-а. Л. 383 об.; Ф. 350. Оп. 2. № 612. Л. 168 об.

³⁷ Там же. Ф. 719. Оп. 1. Д. 17. Л. 28.

³⁸ Там же. Л. 33.

³⁹ Там же. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1107. Ч. 1. Л. 215.

⁴⁰ Там же Ф. 288. Оп. 1. Д. 570. Л. 1.

М. А. Иванов

СФЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НИЖЕГОРОДСКОГО КУПЕЧЕСТВА В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Цель данной статьи — исследовать сферы экономической активности нижегородского купечества в контексте развития российской экономики конца XVIII — первой четверти XIX в.

К последней четверти XVIII в. государство в целом создало благоприятные условия для развития российской экономики. Развитию торговли и промышленности в значительной степени способствовали такие меры, как браковка отечественных и иностранных товаров, установление единообразия в системе мер и весов, отмена внутренних таможен.

Для экономики Нижегородского региона, как и для других регионов страны, были характерны общероссийские тенденции. Основные капиталы нижегородского купечества в конце XVIII — первой четверти XIX в. были задействованы в сфере крупной оптовой торговли хлебом, солью, железом и товарами металлургического производства. Еще с XVII в. Нижний Новгород стал развиваться как крупный транзитный пункт в Волжско-Камской речной системе. Нижегородские купцы осуществляли перевозку астраханского хлеба в центральные регионы станы. В особенности развитию хлеботорговли способствовало основание в 1767 г. Нижегородской торговой компании, в которую вошли 30 крупных купцов-хлеботорговцев: Костромин, Холезов, Шешов, Брызгалов, Беспалов и др.

Создание хлеботорговой компании способствовало увеличению товарооборота нижегородского купечества. Если в 1723 г. общий купеческий товарооборот составлял 82 436 руб., то к 1780–1781 он увеличился до 321 500 руб.¹ Существенную часть товарооборота составляла хлеботорговля с Петербургом. По данным на 1781 г. нижегородскими купцами в Петербург было поставлено 5283 пуда хлеба (587 кулей)². Фактически вся хлебо- и солеторговля в данный период была сосредоточена в руках нескольких крупных купеческих семейств: Шешовых, Косаревых, Беспаловых, Костроминых, Извольских.

В частности, купцы 1-й гильдии Николай Никитич Извольский, Иван Михайлович Костромин, Иван Никифорович Косарев, Иов Андреевич Шешов, Андрей Михайлович Беспалов начиная с 1780-х гг. брали крупные государст-